

Яан Тоомик: 20 лет страха художника перед обществом

[Дмитрий Буянов](#), [20 марта 2019](#), 09:04 — **REGNUM**

Порой возникает ощущение, что «современное искусство» заблудилось в трёх соснах. Художники отчаянно ищут новые формы выражения, образы, соответствующие новым же идеям; перебирают и комбинируют живопись, кино, скульптуру, живые представления (перфомансы). Наконец, парадоксальным образом вообще отказываются от красоты, эстетики — ради более полного выражения своих мыслей и чувств.

Результат порой выглядит дико и даже просто нелепо, но это можно понять. Хуже — когда оказывается, что за поисками формы художник упустил содержание; не понял его, не развил до конца. Хуже, когда, продравшись сквозь лес странных образов и метафор, ты находишь

содержание уже неактуальное — гораздо лучше выраженное и в философских трактатах, и даже в искусстве середины прошлого века.

Пример этого — идущая сейчас в ММОМА выставка эстонского художника Яана Тоомика «В моем конце — мое начало. В моем начале — мой конец», охватывающая все 20 лет его творчества. Сильная и слабая стороны выставки совпадают: она чрезвычайно пряма, даже груба. Возможно, в этом и есть «фишка» Тоомика. Выставка не сильно западает в душу, но она просто и весьма полно иллюстрирует одну из главных идеологий XX века — экзистенциализм. В этом, а также в паре удачных метафор, — её ценность.

Выставку открывает видеоролик «Чайки», в котором художник на инвалидной коляске въезжает в бассейн и пытается что-то кричать (петь?) в трубку под аккомпанемент гитары. Таким странным образом Тоомик пытается передать мироощущение экзистенциализма: слабость человеческого «Я», на которое постоянно со всех сторон давит жизнь (природа и общество), и его отчаянную попытку совершить что-то осмысленное, волевое, в частности — выйти на контакт с другими, столь же сдавленными миром «Я». Помимо того что человек в принципе слаб по отношению к природе и обществу, он ещё подвержен болезням, старости и неминуемой смерти (что, вероятно, символизирует коляска) — в общем, картина получается предельно безрадостной.

То, как мало человек контролирует в этом мире, весьма удачно передано в коротком ролике, где Тоомик, сидя на берегу моря, кидает перед собой маленькие камешки. Камешки неконтролируемо «рикошетят» от прибрежных камней и разлетаются в разные стороны. У человека есть воля, есть сознание, но результат его действий оказывается под слишком сильным влиянием внешних сил.

Человечество противопоставляет природе общество, обладающее

собственной структурой, законами и, главное, реальной силой. Однако, с точки зрения экзистенциализма (и Тоомика как его представителя), современное общество не поддерживает людей, не развивает их способности и склонности, а, наоборот, подавляет человека. Капиталистическое общество становится либо Левиафаном, монстром, «перемалывающим» человека; либо — иллюзорной общностью, успокаивающей человека, позволяющей ему забыть о жизненных невзгодах и неминуемой смерти.

2

© [Mark Vegas](#)

[В музее искусств Эстонии](#)

Тоомика занимает в основном второй сценарий. В коротком фильме

«Причастие» (Communion) показана жизнь некоей христианской общины, судя по всему — даже секты. Её жизнь течёт в соответствии с чёткими ритуалами и правилами. Следуя им, человек начинает чувствовать себя причастным чему-то целому; ему не нужно мучить себя вопросами о своём месте в мире и о том, куда он идёт; в каком-то смысле он уже не боится смерти. Однако это единство и эта определённости — мнимые, иллюзорные: быт общины скуден, плохо налажен (этот момент яснее раскрывается в другом документальном фильме, где Тоомик снимает заваленную мусором квартиру истово верующей прихожанки одной такой общины). Людям нет дела друг до друга. На самом деле, сами правила и ритуалы со временем начинают размываться, обесцениваться, доходить до абсурда. Тоомик часто обыгрывает смешение религий в современном мире, когда рядовой гражданин верит уже не в христианство, а в какую-то случайную смесь слов, ритуалов и образов, потерявших своё прежнее духовное значение.

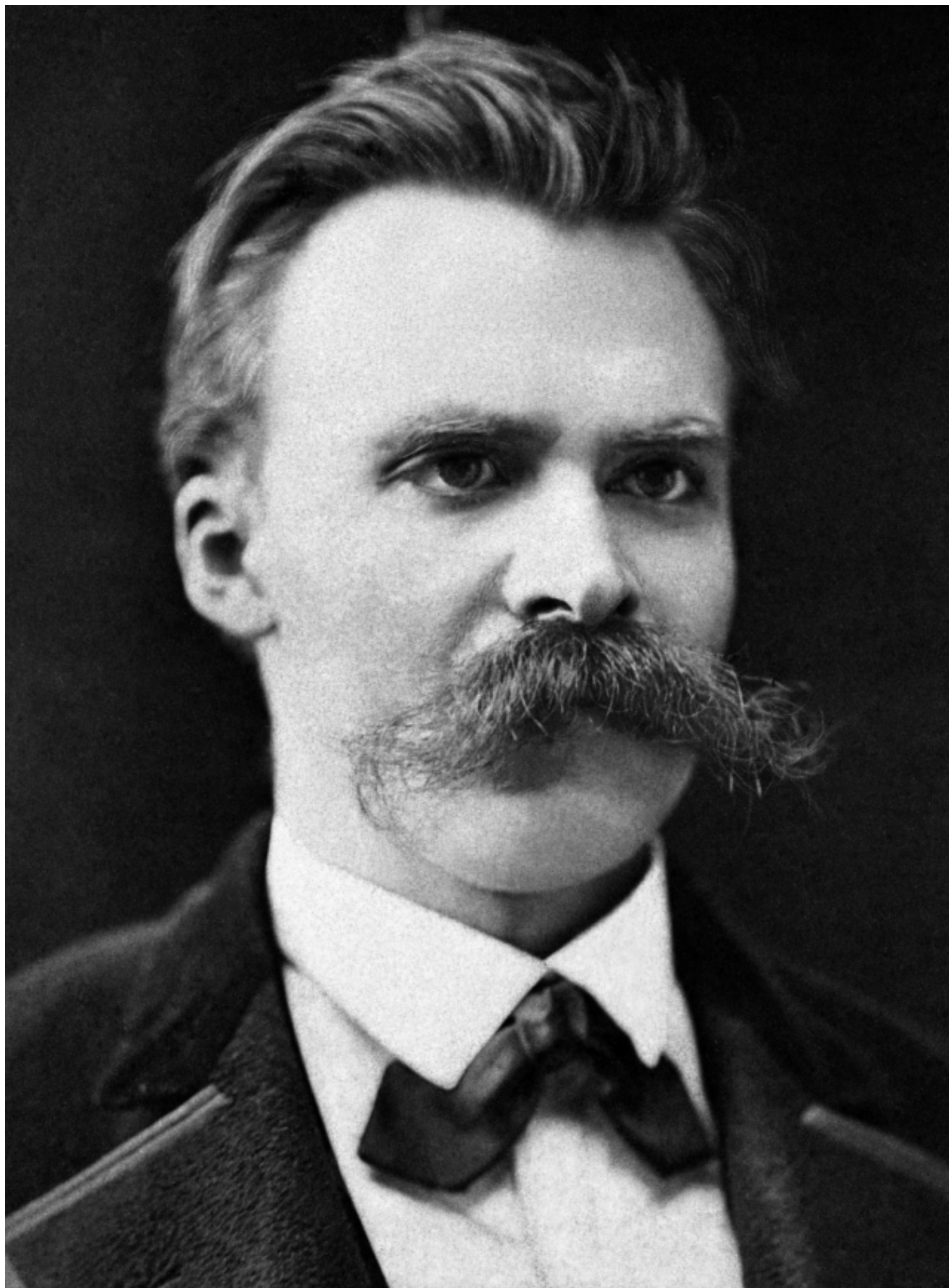
Так или иначе, главный герой «Причастия» ощущает свою оторванность от общности. Он нехотя следует требованиям ритуала, спит на проповеди. Снится ему окутанный туманом лес, окружающий общину. Герой не ощущает даже близости с собственной женой. Придя домой и выполнив супружескую обязанность (в полном смысле этого слова), он голый убегает в тот самый лес. Характерно, что жена даже не пытается его искать. Но что делать дальше, уйдя из общины, герой не знает. Природа не принимает его; она для него — тоже чуждый мир. Фильм заканчивается тем, что герой просто в отчаянии кричит.

Эту тему немного развивает крайне гротескный сюжет: в чистом поле ходит голый мужчина, привязанный за причинное место к торчащему из земли столбу. Человек пытается вырваться, уйти прочь, но верёвка не даёт ему этого сделать. В поясняющем тексте говорится, что этот сюжет был снят под впечатлением от жизни в Эстонии после развала

СССР. Человек формально оказался свободным, лишённым гнёта системы, но эта свобода оказалась фроммовской «свободой от», а не «свободой для». Ведь общество — не только «зло», это ещё и необходимая людям опора для продуктивного действия. Без общественной структуры они оказываются бессильны. Рядовой гражданин очутился действительно посреди чистого поля: брошенным на произвол судьбы, без ориентиров, без помощи и инструментов для жизни и творчества.

Поскольку экзистенциалист не верит в свои силы, не верит в возможность изменить общество, не верит в способность наладить контакт с другими людьми, добиться с ними реальной близости, — он пускается во все тяжкие. В частности, пытается уйти от «плохого» общества к природе — тоже не слишком «хорошей», но дающей определённые утешения. Экзистенциалист мечтает вернуться в состояние «первобытности», когда общество и культура ещё не были слишком развиты и человек оставался частью природы. Например, на одном из видео Тоомик стоит на фоне водопада. Когда художник раскрывает рот, из него вырывается рычание падающей воды.

Главный закон природы (постоянно встречающийся в древних религиях) — цикличность времени, бесконечная смена рождения и смерти, бессмысленная и никуда не идущая, но дающая чувство стабильности, постоянства. Эта идея давно волновала западных мыслителей; например, сверхчеловек Ницше — это существо, способное получать максимальное «удовольствие», максимально адаптированное именно к такому бесцельному типу существования. Для немецкого философа идущий по кругу мир — это просто нескончаемая игра божества, Демиурга, с которой просто нужно смириться.

[Фридрих Ницше](#)

Один из фильмов Тоомика прямо иллюстрирует эту идею: отец учит сына ловить рыбу, как бы передаёт ему «эстафету» бытия, а затем каким-то странным, парадоксальным образом, тонет. Отметим, что в древних религиях вода символизирует жизненную субстанцию, из которой всё появляется и в которой всё исчезает.

Драма экзистенциализма — в том, что современный человек всё-таки не может вернуться обратно в лоно природы. С другой стороны, он всё сильнее «вываливается» и из лона общества — становящегося и всё более жестоким, и всё более парадоксальным, лишённым смысла и продуктивности. При этом экзистенциалист не верит в возможность что-либо изменить. Он становится просто жертвой, с одной стороны терзаемой природой, с другой — социумом. Хуже того: жертвой, осознающей свою печальную ситуацию и не видящей из неё выхода. Поэтому экзистенциализм быстро превратился в философию страдания. Его главная доблесть — принятие неизбежных мучений, стоическое мужество, отказ от религиозного утешения, иллюзорных общностей, конформизма.

Выставка Тоомика пропитана отчаянием, страхом, ощущением абсурдности и дикости происходящего. В каком-то смысле «грубая», «современная» в худшем смысле этого слова форма его произведений оказывается здесь на удивление кстати. Это — такой затянувшийся крик души отчаявшегося человека; крик, не слишком изменившийся с 70-х годов прошлого века (если вспомнить «Любовь и волю» Ролло Мэя, описывающую, по сути, ту же ситуацию), но актуальный и по сей день.

К сожалению, художник ничего не говорит о том, как нам выйти из этой ситуации. Впрочем, похоже, он просто и не видит выхода.

Выставка не даёт ответов, она даже почти не развивает экзистенциальную мысль (относительно того же Мэя), но она неплохо передаёт атмосферу, в которой живут (по собственным

утверждениям) многие западные мыслители и деятели культуры. Те, кто знаком с темой, вряд ли откроют здесь для себя что-то новое; для всех остальных Тоомик вполне даёт ощутить, что такое настоящий экзистенциальный тупик.

Читайте ранее в этом сюжете: «Доктором Кто» становится женщина: феминизм или месть мужчинам?

Читайте развитие сюжета: Магия как замена актуальной политике: выставка «Flower Power»